Закат эры «хрущевок»– пятиэтажек

8 января 1963 года Игнатий Трофимович Новиков, ответственный за строительство заместитель главы Союзного Правительства через газету «Правда» заверил, что семилетку они выполнят и к 1965 году советские люди получают 15 миллионов новых квартир. Если считать, что семья новоселов, включая детей и бабушек с дедушками, в среднем состоит из пяти человек, то получалось 75 миллионов, почти треть населения страны. И это только в городах, если учесть селян, то почти половине жителей СССР предстояло готовиться к переезду.

По мнению Госстроя, смена поколений в домостроении: планировки, этажности, технологии изготовления, внешнего вида должна происходить каждые пять-семь лет, то есть пришло время определиться, решать, что и как строить после 1965 года.

9 февраля 1963 года Хрущев, вместе с другими руководителями страны, на ВДНХ в павильоне «Строительство» заслушивает доклад главного архитектора города о ходе реконструкции Москвы. Посохин рассказывает о завершающихся работах на Новом Арбате, особо останавливается на подсмотренной в Швеции новой планировке жилья, в четырех 26-этажных высотных домах-книжках в качестве эксперимента квартиры сделают двухуровневыми: внизу – гостиная, а наверху – спальня или спальни. Отец соглашается, голод на жилье мы сбили, можно подумать о комфорте. Со шведским опытом он знаком, читал отчет делегации строителей и архитекторов, в конце 1962 года посетивших Скандинавию, Англию и Францию, смотрел снятый ими фильм. Там тоже в строительстве массового дешевого жилья используют сборный железобетон, не в таких масштабах, как у нас, но и потребности у них иные. Вот только качество шведского сборного дома не чета нашему. За месяц до посещения выставки, 9 января 1963 года на заседании Президиума ЦК при рассмотрении пункта первого повестки дня «Об улучшении организации планирования и развития народного хозяйства СССР» отец сетовал, что «у шведов и французов следует поучиться замоналичиванию арматуры, стыков и углов», аккуратности подгонки панелей друг к другу. Напомню: щели между панелями, вызванные несоблюдением на заводах по производству ЖБИ заданных в проекте размеров, мучили строителей, а особенно новоселов с первых дней перехода на сборный железобетон.

«В этом отношении мы им уступаем, – продолжал отец. – Качество заводского изготовления панелей у шведов и у французов очень высокое. Мы тоже кое-то делаем, но у них фирма не допускает никаких подгонок по месту, все делается на заводе».

Однако вернемся на Выставку достижений. Сразу после Посохина скульптор Евгений Викторович Вучетич рассказал о будущем мемориале на Поклонной горе в честь победы в Отечественной войне. Он предлагал соорудить там нечто похожее на уже строящийся по его проекту комплекс на Мамаевом кургане в Волгограде – та же Родина-мать, те же барельефы героев-воинов. Отцу замысел скульптора приходится по душе, но высказать одобрение он не торопится. Отдать должное павшим и в битве на Волге (так тогда называли Сталинградскую битву) наш долг, но мемориал стоит немалых денег. И вот теперь еще одно дорогостоящее сооружение в Москве. Отец спрашивает, во сколько оно обойдется. Вучетич мнется, о затратах он не задумывался. На выручку приходит Посохин, называет какую-то цифру, явно взятую с потолка, но звучащую реально. Он человек многоопытный и знает, что чего стоит. Отец кивает головой и тут же вслух прикидывает, какое количество жилья, сколько квадратных метров придется принести в жертву новому мемориалу. В бюджете лишних денег нет

и не предвидится. Отец долго молчит, за его спиной переговариваются члены Президиума, им проект нравится, и они готовы его утвердить. Наконец отец жмет руку Вучетичу, благодарит за доставленное удовольствие, просит продолжить проектирование, а вот решение о том, когда приступать к строительству, они примут позже. Вучетич явно расстроен, он рассчитывал не просто на одобрение, а на открытие финансирования, ожидал команды начать рыть котлованы под фундаменты. Теперь же все повисало в неопределенности. После этих слов Хрущева никто уже не возьмет на себя ответственности.

Отец чувствует себя неловко, но вида не подает, обращается к Посохину: «Ну что там у вас еще?» Он прекрасно знает, что ради этого «еще» они сюда и приехали. Речь пойдет о стратегии будущих массовых застроек городов и поселков: какие дома в них строить после 1965 года и как их строить. В январе на Президиуме ЦК они уже начали обсуждать с Посохиним эти вопросы. Говорили об отсутствии Генерального плана развития Москвы, об уменьшающейся рентабельности малоэтажного жилья из-за роста затрат на инфраструктуру, когда дороги и разного рода коммуникации доводят стоимость одного гектара земли до 150 тысяч рублей, о комплексности застройки новых микрорайонов. Отец снова сослался на опыт шведов, они размещают торговые предприятия не в жилых зданиях, а отдельно: «это прогрессивно, магазин в жилом доме невыгоден и для конструкции дома, и для торговли». Тогда Посохин поправил отца, в Москве они так и строят. Отец удовлетворенно хмыкнул и пообещал изыскать время, чтобы лично убедиться.

Тем временем Посохин начал докладывать о проектах застройки юго-запада Москвы, уже давно шагнувшего за границы Черемушек, но по старой памяти так и оставшегося Новыми Черемушками. Представленные Посохиним «высотные» серии сборных жилых домов в 9, 12 и даже 16 этажей отличались от пятиэтажек начала пятидесятых, как современный «Боинг» от «Фарманов» и «Блерио» времен зарождения летательных аппаратов.

Эти дома, естественно, требовали установки лифтов, более совершенной системы подачи воды на верхние этажи и много другого. Но все это окупалось с лихвой сокращением затрат на коммуникации. Отец без возражений принял аргументы Посохина. «Такова диалектика строительства, – писал он в своих воспоминаниях, – важно уловить момент, когда следует изменить устаревшую стратегию. Теперь получалось: чем выше здание, тем оно дешевле, в определенных рамках, естественно».

Отец попросил «товарища Посохина пересмотреть в новых зданиях нормы на размеры прихожей, кухни, туалета и ванной комнаты. Обязательно раздельный туалет, и ванная комната, и встроенная мебель, – подчеркнул он. – Конечно, здесь должны быть лифты с бесшумными муфтами, чтобы при закрывании дверей здание не сотрясалось бы. Такие лифты умеют строить финны».

– Но тогда дом выйдет за установленные правительством лимиты, – напомнил Посохин.

– Новый дом – следующая ступень, на которую мы уже можем подняться, – возразил ему отец.

Тут же договорились, что после апробации новых проектов, а первая девятиэтажка уже строилась, Посохин войдет в правительство с предложением о пересмотре нормативов. Затем он пригласил отца на новоселье первой высотки.

– В этом мае, – уточнил Посохин.

– В мае так в мае, – согласился отец.

Отец посетовал на примитивность внешнего вида домов. Новые серии мало отличались от старых пятиэтажек. Повторил слова, сказанные на недавнем заседании Президиума ЦК, что коробчатость, отсутствие индивидуальности свидетельствуют о бесталанности архитектора, который «должен уметь играть, манипулировать окраской, отделкой и конфигурацией дома». После перехода к заводским технологиям массового жилого строительства

как классическая, так и модерная школы элитной архитектуры не находили себе применения, а современная архитектура серийного жилья для всех, а не только избранных так и не родилась.

Посохин осторожно заметил, что спроектировать красивый и одновременно рациональный дом из крупных деталей труднее, чем сложить его из кирпичиков. Тут требуется сочетание архитектурного таланта с инженерной смекалкой, а пока архитектор и инженер не только не сочетаются в одном лице, но и в институтах их учат на разных факультетах, и в одной мастерской они живут не лучше кошки с собакой. Посохин обещал подумать, как сделать новые дома привлекательнее, поэкспериментировать, позаимствовать что можно у шведов и французов. Получилось у него не очень, вывести гибрид архитектора и инженера он так и не сумел. А ведь именно от проектировщиков, а не от отца и даже не от Посохина зависело, какой станет новая серия домов. Только они своим талантом могли, меняя строй неизменных базовых деталей, вносить изменения в проекты домов. А если не могли, то винули во всем руководство, конкретно Хрущева – он за все в ответе, даже за их бесталанность.

Затем речь зашла о судьбе пятиэтажек. Через 20–25 лет срок их жизни подойдет к концу. Снос пятиэтажек обойдется в копейку, но и оставлять их в первоначальном виде невозможно, они к тому времени окажутся просто непригодными для жизни. «А что если не сносить пятиэтажки, а капитально отремонтировать, перепланировать, придать им новый облик, встроить лифты, – предложил отец. – В результате условия жизни в них улучшатся, сравняются с новыми домами, и не всякий человек согласится переехать из них в высотку».

В заключение отец напомнил: следующая встреча в мае, и уже не у макета, а на новостройке, на «дне рождения» девятиэтажки.

23 – 25 апреля 1963 года отец три дня на совещании строителей РСФСР внимательно слушает выступающих. Последние, зная пристрастие отца к конкретике, к цифрам, старались произвести благоприятное впечатление, но удавалось не всем. 24 апреля отец выступал сам.

13 мая, вместе с товарищами по Президиуму ЦК, он поехал на новоселье девятиэтажки в Черемушки. Я взял на работе отгул и увязался за ним. После Черемушек отец собирался проехать по городу, а затем осмотреть строительство Новоарбатской магистрали. О Новом Арбате тогда судачили на каждом углу, и мне очень хотелось взглянуть, как получается на самом деле.

Девятиэтажка отцу понравилась, он похвалил новые стеновые панели, спроектированные и изготовленные на вибропрокатных станах. Их конструктор Николай Яковлевич Козлов воспользовался случаем и пригласил отца к себе на завод «Прокатдеталь» посмотреть в работе новый 120-метровый прокатный стан, способный производить до 500 тысяч квадратных метров бетонных панелей в год. Он один обеспечивал возведение 80 тысяч квадратных метров жилья. Такого в мире никто, кроме Козлова, еще не добивался.

– Обязательно приеду, – живо откликнулся отец и, на минутку задумавшись, добавил. – Вот прямо завтра и приеду. Идет?

– Идет, – отозвался Козлов.

Прошлой весной отец уже осматривал у Козлова прототип этого стана. Тогда только отработывали технологию изготовления тонких ребристых панелей для стен и перекрытий. И вот теперь пошла серия.

Отец долго ходил по дому, заглядывал во все углы, журил строителей за качество отделки, особенно дверей, окон и встроенной мебели. Строители привычно обещали исправиться, но со своей стороны, жаловались, что древесину они получают недосушенной, вот двери с окнами и корежатся, рассышаются, трескаются. Отец вопросительно посмотрел на председателя Госстроя, своего заместителя и старого приятеля Игнатия Трофимовича Новикова. Тот развел руками. Отец решил не углубляться в неприятную для них обоих тему. С

проблемой сырой древесины он сталкивался и в 1930-е годы в Москве, и в 1940-е – на Украине. Не научились как следует сушить доски и по сей день, не только в России, но и в Америке.

С качества строительства разговор перешел на его финансирование. Отец обратился к старавшемуся держаться к нему поближе секретарю Московского партийного комитета Николаю Егорычеву и начал у него выпытывать, сколько в Москве строится жилья за счет бюджета и какова доля кооперативного строительства. Егорычев занервничал, цифр он не помнил, отвечал многословно и расплывчато.

– Москвичам следует подумать о переносе центра тяжести на строительство кооперативов, – перебил мямлившего Егорычева отец. – Здесь живут люди богаче, чем в среднем по стране, они способны и захотят заплатить за новую квартиру, тем более если получат ее пораньше и лучшего качества. Сэкономленные таким образом средства мы сможем перебросить на периферию и тем самым, не обидев Москву, поможем провинции, увеличим общее количество вводимого жилья. Поняли?

Егорычев заверил, что понял.

– Вот и хорошо, – отозвался отец. – Я в следующем году проверю.

Из Черемушек кавалькадой направились на почти готовый Новый Арбат. Открыть по нему движение собирались через полгода, к Ноябрьским праздникам. По дороге остановились на Бережковской набережной, обсудили наболевшую проблему вывода из Москвы Дорогомиловского химического комбината. Его построили до войны, в годы первых пятилеток, и теперь дважды, а может быть, и чаще, в день, в момент выпуска продукции (что они там делали, я уже не помню, но нечто очень вонючее), окрестность заволакивали клубы грязно-желтого, пахнувшего тухлыми яйцами, сероводородного дыма. Жильцы завалили инстанции жалобами, жить тут стало невыносимо. Получал подобные письма и отец, но и без писем он очень хорошо знал, чем «пахнет» химкомбинат, и он жил относительно недалеко, на Воробьевском шоссе, дом 40, и ему бы в пору было писать жалобы, да только некому.

Договорились комбинат выводить из Москвы, и поскорее, о чем напечатали в газетах. Когда через несколько месяцев, под впечатлением очередного сероводородного выброса, я спросил отца, когда же всему этому наступит конец, он только беспомощно улыбнулся: в ответ на постановление о выводе химкомбината за пределы Москвы химики пригрозили срывом годового плана. А от них зависят многое и многие. Решили с выводом повременить, пока не введут производственные мощности в другом месте. Повременили... В первом десятилетии XXI века мэр столицы Юрий Лужков говорил в телевизионную камеру, что намерен в ближайшее время решить вопрос вывода Дорогомиловского химического комбината за пределы Москвы.

Следующую остановку отец сделал на площади Восстания, у высотки. Здесь в часы пик на перекрестке скапливались десятки машин. Предложение сделать развязку на двух уровнях, выкопать туннель или выстроить эстакаду сталкивались с «непреодолимыми» проблемами. Эстакада портила облик города, с туннелем неподалеку от Москвы-реки тоже не очень получалось. Требовалось волевое решение. Отец его принял, не сходя с места, помнится, договорились об эстакаде. Она обходилась дешевле. Оформили соответствующее официальное постановление, но оно так и осталось на бумаге. Через год, когда отца удалили от власти, споры вокруг транспортной развязки разгорелись с новой силой и приобрели идеологическую окраску. Решения, принятые отцом, окрестили «волюнтаризмом и субъективизмом», выполнять их никто не торопился. На рабочем уровне договориться не удалось, а Брежнева светофоры на площади Восстания не беспокоили, красный свет его лимузин не останавливал.

С площади Восстания перебрались на Новоарбатскую площадь. Ходом дела отец остался доволен. Ему нравился и сам проспект, и транспортные развязки на въезде и выезде,

и возводимые по обе стороны проспекта жилые дома повышенной комфортности. Выслушав доклады, отец предложил Посохину «прогуляться». От ресторана «Прага» они, лавируя между ямами, штабелями бетонных панелей и торчащими повсюду прутьями арматуры, двинулись на противоположную сторону улицы. За ними по узкой протоптанной в грязи тропинке потянулись остальные, вышагивали осторожно, стараясь не очень запачкаться. Процессия растянулась и поотстала от отца, который, не обращая внимания на преграды, уже успел перебраться через самую широкую в Москве, 28-метровую «проезжую» часть будущего проспекта. На какое-то время они оказались вдвоем с Посохиным и тот, воспользовавшись моментом, подвел отца к полуразрушенной невзрачной церквушке, притулившейся на самом краю строительного котлована. Вокруг этой церкви разгорелись споры. Московские партийные власти, секретарь МК Егорычев настаивали на ее сносе: нечего ей здесь торчать, только вид портит. Посохин же церквушку жалел, считал, что она стоит очень даже на месте, однако спорить с Егорычевым ему очень не хотелось. Вот он и решил вовлечь в это дело Хрущева. Как бы невзначай он указал отцу на церквушку и заметил, что она подлежит сносу, но Музей архитектуры не то чтобы возражает, но просит ее сохранить, они в ней развернут экспозицию, рассказывающую о реконструкции Арбата. Егорычев еще только перебирался через строительные завалы и ни возразить, ни согласиться не имел никакой физической возможности. Отцу же «предложение» Музея архитектуры понравилось. Тут подоспел запыхавшийся Егорычев, успел уловить самый конец разговора и, не очень поняв, о чем идет речь, Посохина поддержал. Когда он разобрался, что к чему, возражать было поздно. В результате, церковь не только не снесли, но отреставрировали, что в те годы случалось нечасто.

Следующая остановка в центре на Манежной площади. Здесь снова говорили об автомобильных пробках. Председатель Моссовета Промыслов докладывал об упорядочивании движения транспорта по Манежной площади, Манежной улице, площади Свердлова, Пушкинской улице. Отец предложил всем вместе пройтись по маршруту.

В результате осмотра решили установить по Пушкинской улице одностороннее движение снизу вверх, от Дома Советов к площади Пушкина, а в остальном не спешить. Поручили Промыслову с Посохиным составить генеральный план организации движения транспорта в центре Москвы. Проблема упиралась в Манеж и застроенный зданиями «остров», между ним и Каменным мостом. Машины и троллейбусы двигались в обе стороны по узким «протокам» – одна вдоль Александровского сада, другая мимо Дома Пашкова. Расширять проезжую часть невозможно, придется сносить не только «остров», но и Манеж, причем без особого результата, далее транспортный поток упирался в гостиницу «Москва», обтекая ее с обеих сторон по узким «рукавам». Туннель тоже не годился – подземное пространство занято действующими и проектируемыми линиями метро.

Остается одно – эстакада, решение не самое изящное, но хоть какое-то. Договорились проработать и встретиться через месяц-полтора.

Эстакада в ландшафт не вписывалась, то есть имелась техническая возможность, расчистив «остров», протянуть ее на шестиметровых опорах от Большого Каменного моста, пройти над Манежем рядом со старыми корпусами МГУ, далее между Большим театром и гостиницей «Метрополь» и выйти на площадь Дзержинского. Когда всё положили на бумагу, весь центр Москвы утонул под гнетом бетонных столбов и опиравшихся на них дорожных развязок. Получалось нечто похожее на Лос-Анджелес или Токио, но никак не на Москву.

Архитекторы предложили паллиативное решение: эстакаду не строить, установить одностороннее движение от Большого театра к Каменному мосту между Манежем и университетом и в обратном направлении – вдоль Александровского сада, а «чтобы выйти напрямую к площади Дзержинского, подломить крыло гостиницы “Метрополь”, снести аптеку на улице 25 Октября и убрать стоящий рядом с ней жилой дом». Посохин сомневался, кардинального решения транспортной проблемы не получалось, но потом согласился. Промы-

слова с Егорычевым ему пришлось долго уговаривать, Хрущев говорил об эстакаде, а тут... В конце концов, где-то во второй половине июля, Посохину удалось склонить их на свою сторону. Оставалось доложить предложения Хрущеву.

Тем временем отец 14 мая, как и обещал, приехал к Козлову на завод «Прокат-деталь». С недавно пущенного в дело прокатного стана сходили не только ребристые стеновые панели, но и бетонные многослойные, заполненные внутри утеплителем и звукопоглотителем «сэндвичи» панелей перекрытий, особо прочные крышевые панели.

– Все московские крыши отныне выходят с нашего завода, – похвастал Козлов.

Отец долго ходил вокруг стана, расспрашивал и на прощание поздравил Козлова с успехом. Новый конвейер ему понравился, как нравилось ему все, что делал Козлов, как нравился и сам Козлов, нравился своей изобретательной хваткой, умением довести замысел до воплощения. Отец очень высоко ценил такой тип человека.

Затем осмотрели производство новых железобетонных тубингов для облицовки туннелей метро. Ими отец гордился не меньше, чем сборными железобетонными панелями для жилых домов. И здесь он приложил руку, поддержал изобретателей, предлагавших железобетонные тубинги взамен чугунных. Им не хотели верить, опасались, что бетон не выдержит колоссального давления грунта, через него начнет сочиться вода. Боялись, что со временем он начнет крошиться и тогда... А чугун привычен, и «от добра добра не ищут» – обычная аргументация противников всякого нового дела.

Изобретатели доказывали свою правоту: технически все просчитано до деталей, проведены испытания, железобетонные тубинги ни в чем не уступают чугунным, а их применение сулит немалую экономию. Ничего не помогало. Инженерам удалось достучаться до Хрущева. Отец их принял, долго разговаривал, рассматривал чертежи и расчеты и разрешил в одном из туннелей метрополитена поэкспериментировать на деле. Получилось удачно. С благословения Хрущева железобетонные тубинги стали обыденной конструктивной деталью при подземном строительстве. Теперь железобетон при строительстве туннелей метро так же привычен, как асфальт на улицах. Их применяют не только в Москве, но, насколько я знаю, и в Лондоне.

Еще через три дня, 17 мая 1963 года, отец на Строительной выставке, он приехал в сопровождении все тех же лиц, ему демонстрируют проекты памятников Ленину, первопроходцам космоса, а также скульптуру прародителя космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского. Символическая взмывающая ввысь ракета отцу однозначно нравится, и место для памятника на подъезде к ВДНХ выбрано удачно. Циолковский оставил его равнодушным, но и возражений не вызвал. А вот над Лениным отец попросил еще поработать, что-то его в памятнике раздражало, а что, он и сам не мог выразить. Представлялись два конкурентных проекта, Николая Васильевича Томского и Александра Павловича Кибальникова, К тому же архитекторы и скульпторы никак не могли договориться, где же ставить монумент. Один из вариантов – Ленинские горы, там, где когда-то собирались строить храм Христа Спасителя, а совсем недавно новую телевизионную вышку. Место визуально выгодное, но с точки зрения строителей опасное. Если столь тяжелую конструкцию, а памятник предполагался грандиозный, подвинуть слишком близко к обрыву, он может не удержаться, сползти в Москву-реку. По этой же причине не удалось тут возвести ни храм, ни вышку. Если же монумент отодвинуть на безопасное расстояние, то кромка кручи «разрежет» скульптуру надвое. Отцу imponировали Ленинские горы, но он согласился с оппонентами, надо как следует подумать.

30 июля отец снова на Строительной выставке, там ему демонстрируют новые, доработанные после февральской встречи, проекты жилых «высоток», затем едет в Моссовет, где в Белом зале обсуждают стратегию развития метрополитена. Отца подтверждает свою позицию: там, где строительство линий ведется на чистом месте, предпочтительно наземное

метро, оно дешевле. В новых районах метро решают вести по поверхности, но в отдалении от домов, чтобы шум не беспокоил жителей. Подземные туннели останутся уделом плотно застроенных домами районов «старой» Москвы.

Покончив с метро, переключились на обещанный в мае план реорганизации движения транспорта на Манежной площади. Остановились на безэстакадном варианте.

На следующий день, 31 июля, в среду, отец едет на Клязьминское водохранилище, осматривает только что сданный строителями типовой пансионат на три тысячи мест. Клязьминский пансионат ему представляется прообразом зон отдыха будущего, которые заменят «съедающие» столько земли, дачи, дачки и садовые домики. Свободной земли на всех не хватит.

Подытоживая обсуждения последних месяцев, 21 августа 1963 года ЦК КПСС и СМ СССР выпускают Постановление «Об улучшении проектного дела в области гражданского строительства, планировки и застройки городов». Официально провозгласившее наступление нового этапа в жилищном строительстве, утвердившее переход к многоэтажкам и лифтам, раздельным санузлам, узаконившее большую площадь типовых квартир со встроенной бесплатной мебелью, – все то, что станет обыденным в ближайшем десятилетии, наступившем уже после отставки отца.

27 октября 1963 года выходит еще одно Постановление Правительства – о возведении на набережной у Крымского моста нового современного здания Третьяковской картинной галереи – это, наверное, единственное нежилое помещение, разрешенное к строительству за последние годы. Третьяковка задыхалась от нехватки площадей, ценнейшие картины пылились в запасниках, и Фурцева убедила отца сделать для галереи исключение. Открытие «новой Третьяковки» запланировали на 1967 год.

4 ноября 1963 года, под праздники, строители сдали Новый Арбат, по его асфальту проехали первые машины. Собственно, проезжей частью «сдача» и ограничилась, обрамляющие проспект дома еще достраивали, на месте тротуаров зияли котлованы, в них заканчивали прокладку труб, кабелей и других коммуникаций.

И тем не менее, главное сделали, пробили чем-то напоминавшую парижскую широкую магистраль, соединившую западные районы столицы с центром. Собачья площадку и другие староарбатские достопримечательности перестали будоражить умы, сохранились только в памяти любителей старины. Они сожалеют о них по сей день, как почитатели французской истории сожалеют о закоулках «настоящего», дореволюционного (1789 года) Парижа.

16 декабря 1963 года открылась сессия Верховного Совета СССР. Глава Правительства, то есть Хрущев, по статусу все три дня должен присутствовать на ее заседаниях. Но в зале ему не сидится. На второй день, 17 декабря, он исчезает из президиума и едет в Моссовет. Там продолжается обсуждение доработанного плана реконструкции Москвы, предусматривающего увеличение количества подземных переходов, дополнительные линии метрополитена. На новом макете городской застройки продолговатые приземистые параллелепипеды пятиэтажек заменили башенками девяти- и двенадцатиэтажных жилых домов. На тех же площадях удастся разместить в два раза больше строений, чем на предыдущем макете. В заключение отцу демонстрируют типовые летние домики для садовых участков и дачных кооперативов, новые типы машин для уборки улиц.

Под самый Новый год, 28 декабря, отец в третий раз едет к Козлову. Он обещал показать новую типовую девятиэтажку, на восемьдесят процентов собираемую из деталей, выпускаемых его станами. Этот стовосьмидесятиквартирный пилотный «высотный» дом собирали на проезде Ольминского.

Дом уже поднялся до шестого этажа, Козлов пояснил, что на монтаж одного этажа в среднем уходит шесть дней.

– Шестью девять получается пятьдесят четыре, – отозвался отец, – плюс выходные. Итого около двух месяцев.

– Трех, – поправил Козлов. – Требуется время на подготовку сборки, затем на отделку, оклейку обоями, сантехнику, уборку территории.

– Три месяца, вместо трех лет, – восторженно отозвался отец. – И все это за неполные тринадцать лет.

Столько времени прошло с тех пор, когда он впервые увидел плиту-перегородку, разработанную инженером Козловым. Отец начал вспоминать, как они познакомились, с каким трудом пробивались индустриальные технологии в строительстве. Затем они вместе с Козловым обходят уже готовые этажи дома. Отец придирчиво изучает, но придраться не к чему, стеновые панели выходили с завода такими гладкими, что не требовали штукатурки, наклеил обои – и можно въезжать. Отец с наслаждением гладил руками стены, осуществилась давняя мечта строителей, удалось избавиться от трудозатратных штукатурных работ. Чувствовалось, что он по-настоящему счастлив.

С проезда Ольминского заехали на завод. Там недавно пустили второй вибропрокатный стан. Он почти не отличался от первого, уже виденного отцом, но, осматривая его, отец не уставал восторгаться. От Козлова он уехал в приподнятом настроении.

1963 год ознаменовался завершением поры пятиэтажек. В 1964 году 85 процентов всего возводимого в Москве жилья составили девяти- и двенадцатиэтажные дома.

День за днем

6 февраля 1963 года Маццолини, Генеральный секретарь Комитета фонда Э. Бальцана, возглавляемого президентами Швейцарии и Италии, обратился к Хрущеву с предложением принять, как тогда считалось, более чем respectable премию Бальцана «За мир и гуманизм».

Несколько слов о самом Бальцане и премии его имени. Бальцан, после Первой мировой войны редактор престижной итальянской газеты «Коррьере делла сера», не сошелся во взглядах с Бенито Муссолини, когда фашисты пришли к власти, эмигрировал в Швейцарию. Там он пережил Вторую мировую войну, там и умер. В память об отце дочь Бальцана учредила премию его имени, присуждаемую за выдающиеся достижения в физике, технике, астрономии, астрофизике, архитектуре, филологии, палеонтологии, литературе и общественной деятельности. Полагали, что по престижности со временем она превзойдет Нобелевскую премию. Этого не произошло, но в 1963 году премия Бальцана котировалась очень высоко.

Собравшийся 5 февраля 1962 года Комитет фонда высказался за присуждение премии «За мир и гуманизм» 1962 года двум мировым лидерам – Хрущеву и Кеннеди. Тем самым отдавалось должное их выдержке и государственной мудрости, проявленным при разрешении Карибского кризиса в октябре 1962 года. Кроме Хрущева и Кеннеди рассматривались кандидатуры папы римского Иоанна XXIII, индийского ядерного физика, философа и филантропа Хоми Джехангира Бхабха и премьер-министра Малайзии Абдул Рахмана Тунку. До опубликования решения, назначенного на 25 февраля, Маццолини поручили выяснить у номинантов, согласны ли они принять премию и смогут ли они лично прибыть 10 мая в Милан на церемонию вручения.

В Москве о премии Бальцана почти ничего не знали, а потому отец попросил МИД пригласить Маццолини в Москву и решение принимать после полученных от него разъяснений. Маццолини прилетел буквально на следующий день, до момента объявления фамилии лауреатов оставалось менее трех недель, а если Хрущев с Кеннеди откажутся, то придется заново собирать комитет и выбирать из трех ранее отклоненных номинантов новую кандидатуру.

В подарок Маццолини привез памятную медаль с профилем Хрущева, из учрежденной фондом в 1962 году серии выдающихся мировых лидеров. У меня сохранилась золотая, диаметром сантиметра в три-четыре медаль с выгравированным на лицевой стороне профилем Хрущева. Медаль помещалась в синий кожаный чехольчик с тисненной золотом надписью Foundation International Balzan. 1962 («Международный фонд Бальцана. 1962»).

Отец с Маццолини не встречался, поручил переговорить с ним в Министерстве иностранных дел. Премия, со слов Маццолини, оказалась заслуживающей внимания, и Президиум ЦК разрешил отцу ее принять при условии, что и Кеннеди отреагирует положительно. Кеннеди от премии отказался. Он испугался оказаться в одном ряду с «главным мировым коммунистом». В свете предстоящих, пусть и отдаленных, перевыборов это ему представилось невыгодным.

Вопрос таким образом отпал. 25 февраля 1963 года Комитет фонда Бальцана объявил о присуждении премии папе римскому Иоанну XXIII, в миру итальянскому гражданину Анжело Джузеппе Ронкалли. Иоанн XXIII был реформатором, вступив на папский престол занялся модернизацией католической церкви, подстраивал ее к тональности меняющегося мира, для чего в 1962 году собрал Второй (после 1869 года) Ватиканский собор, заявил о поддержке призыва Хрущева к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем. Отец, как один из соискателей премии Бальцана, направил папе поздравления, и не формально по дипломатическим каналам, а через личных «гонцов», редактора газеты «Известия», своего зятя Аджубея и его жены и моей сестры Рады. Папа согласился встретиться с Алешей и Радой. Тем самым обе стороны показали, что готовы, наверное, впервые в истории установить между Москвой и Ватиканом доверительные отношения.

Иоанн XXIII принял гостей неформально-дружески, в своей личной библиотеке, в ответ на переданные поздравления, заметил: «Я ни с кем не боюсь говорить о мире. И если бы господин Хрущев сидел передо мной, я бы не испытал никакой неловкости. Мы оба выходцы из маленьких деревень, оба скромного происхождения. Мы бы поняли друг друга. Надеюсь, когда господин Хрущев посетит Рим (такой визит тогда намечался), мы оба найдем время, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Я уверен, что и Хрущев не испугается такой встречи».

Отец не испытал бы неловкости от встречи с римским папой. О мире он был готов говорить когда угодно и с кем угодно, в том числе и с папой, и они бы поняли друг друга.

Обещавшийся многое диалог так и не успел наладиться. В июне 1963 года папа Иоанн XXIII умер от рака.

Спустя десятилетие, в 1972 году очень влиятельный американский журналист и издатель Норман Казинс напишет книгу «Невероятный триумвират. Замечания к истории года надежд 1962–1963». Ее герои американский президент Джон Кеннеди, папа римский Иоанн XXIII и советский премьер-министр Никита Хрущев, три человека, которые, по мнению автора, хотели и могли повернуть мир к лучшему, но не успели, судьба распорядилась иначе.

14 февраля 1963 года газеты сообщают: из Бухары на Урал пришел среднеазиатский природный газ. Пишут о налаживании быта на целине, она постепенно обживается и перестает быть целиной.

25 марта 1963 года строители Красноярской ГЭС за шесть с половиной часов перекрыли Енисей. Отец позвонил начальнику стройки, поздравил, а вслед направил официальную телеграмму.

27 марта 1963 года значительно повысили закупочные цены на хлопок. Это еще один шаг в экономическом стимулировании производства.

25 апреля 1963 года Президиум ЦК обсудил записку секретаря ЦК Леонида Федоровича Ильичева о нецелесообразности заглушения передач иностранных радиостанций на языках народов СССР, так называемых «вражьих голосов». Глушить их начали по приказу Сталина в 1949 году. С тех пор количество «голосов» постоянно увеличивалось, соответственно возрастало количество «глушилок», разбросанных по всей территории Советского Союза. В представленной Ильичевым справке констатировалось, что толку от глушения мало, а средства на него расходуются огромные. «На создание помех враждебным передачам используется почти половина мощностей всех радиостанций Советского Союза, более 14 тысяч киловатт, 1 400 передатчиков, из них 150 коротковолновых дальнего действия, остальные – местного значения. На их эксплуатацию ежегодно расходуется 15 миллионов рублей.

Для подавления передач радио «Свобода» используются передатчики общей мощности до 6 тысяч киловатт на 110 радиостанциях, а на трансляцию первой программы Центрального радиовещания – от 2 до 4 тысяч киловатт и всего 28 радиопередающих установок.

Как показала жизнь, глушение носит символический характер. На заглушение только одной передачи «Голоса Америки» на эстонском языке используется 37 радиостанций на территории от Москвы до Ташкента. Несмотря на это, за исключением Таллина, Тарту и Кохтла-Ярве, «Голос Америки» можно слушать на всей остальной территории республики», – взывает к здравому смыслу Ильичев.

Он предлагает глушение постепенно прекращать, а высвобождающиеся мощности передавать советскому радиовещанию. КГБ выступил против, и для его успокоения Ильичев предложил одновременно прекратить производство радиоприемников с коротковолновым диапазоном. Тогда слушать голоса окажется технически невозможным, правда, как и наши собственные передачи. Согласно логике, в таком случае нам следовало прекратить вещание в коротковолновых диапазонах и высвободившиеся передатчики и антенны коротковолновых глушилок, на которые положил глаз Ильичев, оказывались бесполезными. Страна становилась глухой: длинные и средние волны распространяются на сравнительно небольшие расстояния, легко покрывают небольшие европейские страны, а для

советских просторов в одиннадцать часовых поясов абсолютно непригодны. На Севере, в горах Дальнего Востока и Средней Азии улавливаются только короткие волны, на длинных и средневолновых диапазонах лишь помехи потрескивают. В случае принятия подобного решения огромные пространства нашей страны оказывались отрезанными не только от враждебной, но и от нашей собственной пропаганды, лишались какого-либо доступа к новостным передачам, не могли бы слушать даже музыку. В общем, больше вопросов, чем ответов. Ильичев все это понимал и на своей инициативе не очень настаивал, предлагал производство остановить, но не совсем, продолжить выпуск коротковолновых радиоприемников целевым назначением «для продажи населению Севера страны и районов с отгонными пастбищами в Казахстане и республиках Средней Азии, а также для экспорта». В общем, отписался Леонид Федорович.

На Президиуме ЦК легко договорились прекратить глушение передач Би-би-си. Их уже переставали глушить в июне 1956 года, вслед за визитом отца и Булганина в Великобританию, но после венгерских событий глушилки вновь заработали. Кроме Би-би-си исключили из списка подлежащих заглушиванию: «Голос Америки», «Голос Ватикана», звучавший из Ирана «Голос Азербайджана», «Немецкую волну», передачи из Парижа, «Голос Сиона» из Израиля и «Голос Тираны» из Албании. Оставшиеся двадцать «голосов» договорились прекращать глушить поэтапно.

Что же касается радиоприемников, с ними поручили разбираться заместителю председателя правительства Устинову. Электроника входила в его сферу ответственности. Устинов, многоопытный бюрократ, тут же уловил все не прозвучавшие открыто нюансы и вопрос «замотал». Приемники продолжали выпускать, как и ранее, с коротковолновыми диапазонами. Глушение прекратили, правда, ненадолго, после отставки Хрущева его возобновили в полном объеме.

10 мая 1963 года Хрущев принимает в Кремле своего старого знакомого, американского фермера Росуэлла Гарста. Он приехал со своим племянником и компаньоном Джоном Кристаллом. С Гарстом у отца сложились особые, можно сказать, дружеские отношения. Но дружба дружбой, а разговор они ведут деловой, сейчас отца интересуют уже не американские технологии выращивания кукурузы, а промышленные методы получения мяса. Гарст занялся свиноводством и готов поделиться с Хрущевым своими «секретами». Не бесплатно, конечно. Они говорят о будущем, не подозревая, что эта их встреча последняя, и расстанутся они навсегда.

4 июня 1963 года Хрущев проводит заседание Президиума Совета Министров СССР. Обсуждают принципы формирования планов на будущее, отец расставляет приоритеты: на первом месте производство одежды, обуви и других товаров народного потребления, затем следует производство химических удобрений, на третьем месте снова химия, а дальше все по предложенному Госпланом порядку.

27 июня 1963 года газеты сообщают о пуске Полоцкого нефтеперерабатывающего завода в Белоруссии, еще одного предприятия из запланированных в Постановлении 1958 года.

11 июля 1963 года Хрущев, в сопровождении других «товарищей», едет на ВДНХ, ходит по павильонам, задерживается у экспозиции машин для животноводства, подробно расспрашивает, как устроен «механический птичник», так тогда называли птицефабрики, высоко отзывается о новейших доильных установках «Омичка» и «Веер». Затем все наблюдают за соревнованием стригалей овец. Зрелище увлекательное, естественно, для тех, кто разбирается в этом непростом деле. Стричь требуется быстро, но так, чтобы и овцу не травмировать, и настриг получить ровный, без грязи и мусора. Побеждает, как и ожидалось, чемпион мира в этом профессиональном «спорте» новозеландец Годфри Боуэн.